

УДК 82.091

А. А. Кичигина*УрФУ, Екатеринбург (Россия)**Научный руководитель: С. В. Соколов,**кандидат исторических наук, доцент,**УрФУ, Екатеринбург (Россия)*

**ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОСА СКРОМНОСТИ В РАБОТЕ
АНГЛО-ЧЕШСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЭЛИЗАБЕТ ДЖЕЙН УЭСТОН
«ПАРФЕНИКОН»**

Автор статьи прослеживает тенденцию появления топоса скромности, а также характеризует причины и цели их использования в работе Элизабет Джейн Уэстон «Парфеникон». Кроме того, в статье ставится вопрос о влиянии топоса на творчество поэтессы в период позднего Ренессанса. Обосновывается мысль о том, что женщины-писатели часто использовали топос скромности в качестве стратегии, авторского алиби для вхождения в литературный мир, где доминировали мужчины.

Ключевые слова: топос, скромность, Ренессанс, женская литература, письма

Изучение проблемы топоса скромности в произведениях женщин периода Ренессанса имеет важное значение, поскольку оно позволяет понять, каким образом женщины воспринимали и интерпретировали свою роль в обществе. В условиях патриархальной культуры и ограниченных прав женщин, скромность была одним из основных качеств, которые от них ожидали. Анализ этого топоса в литературе дает представление о том, какие идеалы и ценности пропагандировались в то время, и какие стратегии использовали женщины для выражения своего мнения и защиты своих творческих интересов.

Автор данной статьи предпринимает попытку доказать, что англо-чешская поэтесса Элизабет Джейн Уэстон заимствовала и модифицировала с гуманистической позиции тоpos скромности из литературных традиций античных писателей в свой собственный сборник писем, поэзии и других форм литературных произведений «Парфеникон» (Parthenicon), представленной в английском переводе [Cheneу 2000]. Данная работа представляет собой уникальный источник для анализа вклада женщин в развитие культуры и литературы раннего Нового времени. Элизабет была выдающейся поэтессой своей эпохи, ее произведение «Парфеникон» является одним из первых примеров женской неолатинской поэзии. Подчеркнем, что данное произведение впервые анализируется в отечественной науке, а цитаты из «Парфеникон» впервые переведены и опубликованы на русском языке.

Стоит отметить, что при интерпретации термина «тоpos» мы исходим из теории Л. А. Арбузова, который рассматривал проблему топоса, как «формулы, организующие композицию текста» [Махов 2004: 402], а именно «в своде средневековых риторических "общих мест"» [Махов 2004: 402], среди разных формул Л. А. Арбузов выделяет и «формулы скромности» («Bescheidungsformel») [Махов 2004: 402]. Расцвет тенденции к возвращению античной культуры для возрождения утраченных в средние века важных идеалов и ценностей приходится на эпоху Ренессанса. Прошлое кажется человеку Ренессанса забвением замечательных достижений античности, и он берется за их восстановление. Это выражается и в творчестве писателей данной эпохи. Они пытаются найти ответы на острые и волнующие вопросы в работах античных авторов, заимствуя определенные литературные формы, направления, приёмы.

Немецкий филолог Эрнст Роберт Курциус обращает внимание на древнее происхождение и частое использование топоса скромности в работах античных писателей. По мнению Курциуса, формулы самоуничижения возникли еще в Древнем Риме в период расцвета придворного восхваления императорской особы: «титулование *maiestas tua* (Ваше Величество) встречается уже у Горация в обращении к Августу»; «у Плиния Младшего вместо этого – *tua pietas* (Ваше

Благочестие)» [Курциус 2020:175]. Такому возвышению императора должно было сопутствовать умаление собственной персоны. Древнеримский писатель Валерий Максим в посвящении Тиберию называет себя «*mea parvitas* (моя ничтожность)» [Курциус 2020:175] – этот топос часто использовался в более поздние времена, и до сих пор сохраняется в виде обращения «Ваше высочество».

Во вступлении ритор искал способы привлечь внимание аудитории, расположить его к себе. Для этого ритор использовал формулы скромности: «по словам Цицерона, оратору полезно выражать покорность и смирение» [Курциус 2020:173]. Форма «показной» скромности показывает, что автор с трепетом, страхом и ответственностью приступает к работе. Таким образом, в античности формула самоуничижения использовалась для выражения уважения и восхваления, создания восприимчивости и внимания слушателей, читателей к пониманию произведения.

Рассмотрим, как топос скромности трансформировался в период эпохи Ренессанса, на примере английского перевода «Парфеникон» [Cheney 2000]. Элизабет Джейн Уэстон очень часто использует данный топос в письмах, намеренно принижая свой талант, демонстрируя свою жертвенность, чувства безысходности и отчаяния. Основной целью написания писем был поиск покровителя и финансовых средств. Известно, что в период Ренессанса переписка была основной формой коммуникации. Письмо представляло своего автора и знакомило его с другими гуманистами. Вести переписку могли только образованные, грамотные люди, а грамотность по-прежнему являлась привилегией лишь небольшой группы населения. Элизабет писала известным личностям императорского двора Рудольфа II, а также правителям Якову I, Матиашу II, важным деятелям культуры Богемии эпохи XVI-XVII веков, поэтесса очень часто обращала внимание на свою некомпетентность, неподготовленность, несовершенство литературного слога. В письме Рудольфу II Элизабет пишет: «итак, Цезарь, Бог на земле, которому улыбаются небеса, принимаете ли вы скромные первые плоды Уэстон?» [Cheney 2000: 5; перевод

наш. – А.К.], тем самым сознательно возвышая роль императора и принижая свои авторские способности.

Обращаясь к юрисконсульту графу Ольденбургскому Эрику Лимбурху, Элизабет называет его «знаменитым человеком», «самым ученым слугой Фемиды», при этом о своем творчестве она отзывается довольно уничижительно: «Я (признаюсь) недостойна столь возвышенного драматического стиля, так как моя Каллиопа может только ползать по земле» [Cheney 2000: 59; перевод наш. – А.К.]. Элизабет пишет о Каллиопе – музе эпической поэзии, древнегреческой героине мифологии, что демонстрирует обращение поэтессы к античной культуре. Вновь принижая свой поэтический дар, Элизабет ставит свою музу на уровень земли.

Можно предположить, что поэтесса использует топос скромности обращаясь только к государственным деятелям, в надежде на помощь и возврат конфискованного имущества отчима Элизабет, который был заключен в тюрьму – Э.Келли. Однако это предположение рушится при прочтении письма поэту Герману Фаброниусу, где Элизабет пребывает в недоумении, почему Герман, который лично с ней не знаком, произносит хвалебные речи в честь её поэзии: «Почему Вы превозносите до небес труды необразованной девушки? Они не настолько благородны, чтобы ими можно было восхищаться, и они не мои собственные, сколько печальные слова моей судьбы» [Cheney 2000 79; перевод наш. – А.К.]. Проанализировав эти строки, мы вновь видим использование топоса скромности. Во-первых, известно, что Элизабет владела пятью языками и имела качественное образование [Bassnett 2015: 24]. Во-вторых, поэтесса намеренно отказывается от авторства своего же творчества. Отметим, что данная традиция характерна для женщин-писательниц раннего Нового времени. Английская писательница Маргарет Кавендиш в заключение своего первого тома стихов писала: «Поэт, который не родился и не известен» [Pender 2012: 1; перевод наш. – А.К.]. В анализе религиозного произведения французской писательницы Габриэль де Бурбон «Духовные произведения» («Oeuvres spirituelles»), историк Сьюзан Брумхолл отмечает, что Бурбон изображает себя не автором текста, а

писцом, которого «набожная душа призвала написать» [Broomhall 2002: 78; перевод наш. – А.К.]. Намеренно отрицая своё авторство, женщины подчиняются доминирующей патриархальной форме авторства в литературе.

В ином смысле раскрывается топос скромности при прочтении обращения Уэстон к поэту Иоахиму Шлегелю. Поэтесса пишет: «Умоляю Вас, не восхваляйте меня сверх того, что достойно меня, я не хочу навлечь зависть на нас обоих. Я знаю, что мой талант – это способности весьма скудного ума» [Cheney 2000: 237; перевод наш. – А.К.]. Намеренное уничижение собственных достоинств охраняло поэтессу и её музу от зависти литераторов. Известно, что работы Элизабет были популярны на территории Богемии начала XVII века, это доказывает её вхождение в «*Respublica literaria*» («Республику писем», международное сообщество ученых), слава поэтессы была высока в интеллектуальных и творческих кругах.

Топос скромности выражен в письме силезскому богослову Бальтазару Кремеру: «Вы говорите, что Джордж Каролидес хвалит меня за мою ученость, я полагаю, это результат его чрезмерной щедрости и любви к поэзии» [Cheney 2000: 235; перевод наш. – А.К.]. Поэтесса отрицает свою образованность, оригинальность и творческие способности, которые не каждая женщина имела и раскрывала в себе в период Ренессанса.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод, что топос скромности произошел из античной традиции, но именно в эпоху Возрождения модифицировался и нашел отражение в женской литературе, однако, основная цель использования топоса осталась прежней – привлечь внимание читателя.

Топос скромности был присущ не только творчеству Элизабет, но и другим женским произведениям периода Ренессанса. Отказ от авторства, создание образа невинной женщины, необразованной жертвы, недостойной стать важной фигурой в мире литературы, где главенствуют мужчины, наоборот, помогало женщинам оправдать их творческую деятельность, уйти от критики, завести знакомства с другими авторами, получить покровительство, популяризировать свои произведения, тем самым, построить карьеру успешного писателя.

Список литературы

1. Курциус, Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье. Т. I / Пер., коммент. Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2020. — 560 с. — Текст: непосредственный.
2. Корш, М. Краткий словарь мифологии и древностей. — URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/mythology-and-antiquities/fc/slovar-202.htm#zag-534> (дата обращения: 19.12.2023). — Текст: электронный.
3. Махов, А. Е. Топос / А. Е. Махов. — Текст : непосредственный // Западное литературоведение: Энциклопедия. — Москва: Интрада, 2004. С. 401-403.
4. Bassnett, S. A Story of Losing and Finding/ S. Bassnett. — Text: unmediated // The Book Out of Bounds: Essays Presented to Lars Ole Sauerberg. Odense: Cultural Sciences Institute, University of Southern Denmark. — 2015. — P. 23–35.
5. Broomhall, S. Women and the Book Trade in Sixteenth-Century France/ S. Broomhall. — Ashgate Publishing Limited, 2002. — 282 p. — Text: unmediated.
6. Cheney, D. Collecting Writings / D. Cheney, B. M. Hosington, D.K. Money — Toronto: University of Toronto Press, 2000. — 448 p. — Text: unmediated.
7. Pender, P. Early Modern Women's Writing and the Rhetoric of Modesty. — Springer, 2012. — 218 p. — Text: unmediated.

THE PROBLEM OF USING THE TOPOS OF MODESTY IN THE WORK OF THE ANGLO-CZECH POETESS ELIZABETH JANE WESTON "PARTHENICON"

The author of the article traces the trend of the appearance of the topos of modesty and characterizes the reasons and purposes of their use in the work of Elizabeth Jane Weston "Parthenicon". In addition, the article raises the question of the influence of the topos on the work of the poetess during the late Renaissance. The idea

is substantiated that female writers often used the topos of modesty as a strategy, an author's alibi for entering the literary world dominated by men.

Keywords: topos, modesty, Renaissance, women's literature, letters

About the authors:

A. A. Kichigina – UrFU, Yekaterinburg (Russia)

Scientific supervisor: S. V. Sokolov – UrFU, Yekaterinburg (Russia)

УДК 82

Е. А. Крючкова

ЮУрГГПУ, Челябинск (Россия)

Научный руководитель: Е. С. Седова,

кандидат филологических наук, доцент,

ЮУрГГПУ, Челябинск (Россия)

**ОТРАЖЕНИЕ НИЦШЕАНСКОЙ ИДЕИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В
РАССКАЗЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «ПРИБОЙ КАНАКА»**

Статья посвящена анализу образов героев рассказа Джека Лондона «Прибой Канака», интерпретации писателем характера ницшеанского сверхчеловека. В работе описано влияние работ Фридриха Ницше на Джека Лондона, приведены примеры романов писателя, в которых развенчивается концепт сверхчеловека. Также автор статьи выявляет типичные черты сверхчеловека Ницше на материале философского романа «Как говорил Заратустра», представляет их сопоставление с образами Иды и Ли Бартонов из рассказа «Прибой Канака».